

Елена Збаражская

Послезавтра была любовь

А сегодня пока ещё есть...

Елена Збаражская
Послезавтра была любовь.
А сегодня пока ещё есть...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22142981
ISBN 9785448348990*

Аннотация

Чтоб музыку не слышать мне твою, Один всего лишь способ – умереть! Но даже превратившись в пыль, Невольно буду думать о тебе...

Содержание

Давай не будем...	6
«Я просто женщина с красивыми глазами!»	7
Нечаянно кислоту я пролила...	8
Уже и день темнеет раньше...	10
Просто спишь...	11
Покинь мою обитель...	13
Которым можно не черкать...	14
Не доверяйся своей чести...	16
А твой каратель ломает сучья...	18
Дни умирают иногда...	20
Устала память бить тревоги...	21
«Кружил подол мой...»	22
«Не ты тревогой моей был...»	24
Греши моя печаль...	26
Не стану	27
Я не хозяйка рун...	28
«В твоей хандре я задыхаюсь...»	29
«За тишиной всегда слова...»	30
А комнаты играют в жмурки...	31
«Глотки кофейного напитка...»	32
«Ты тень камней бульварных серых...»	33
С тобой танцуют все мои мечты...	34
Разбросаны письма...	36

Желтеешь в объятиях мгновения...	37
Что искала, то нашла...	38
Мрамор...	39
«Потрескались уста...»	40
«У пропасти моей...»	42
И небеса прохладные...	44
С тобой так мало было прожито веков...	45
Безудержная страсть...	46
«Не отдыхает небо никогда...»	47
«Я просто знала, что тебя не будет...»	48
Вернулись в наши канители...	49
Сонлюбовь...	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Послезавтра была любовь
А сегодня пока ещё есть...**

Елена Збаражская

© Елена Збаражская, 2016

ISBN 978-5-4483-4899-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давай не будем...

Давай не будем видеться совсем,
Ни в дремлющем кафе лохматым утром,
Ни на распутье стоптанных дорог,
Ни в парке, что осыпан перламутром,
Ранним снегом...

Давай не будем вспоминать рассказы,
Затейливых историй наших, прошлых,
Отбросим в сторону любые сантименты,
Сожжём блокноты записей дотошных,
Возможно, пошлых...

Давай разучимся любить безумно,
Научимся дышать отдельно в мире,
Но только жить как после незаметно,
Когда мы есть, с душой прострелянной,
Как в тире...

«Я просто женщина с красивыми глазами!»

Я просто женщина с красивыми глазами!
А вы мужчина, кто в них посмотрел!
Не каждый в них увидит все печали,
Не каждый в миг в них сразу постарел.

Я просто женщина в красивом платье!
А вы мужчина, кто увидел лишь меня!
Вы не хотели мне попасть в объятия,
Вы преклонили мне колено – не поднять!

Я просто женщина, которая живёт!
А вы мужчина! Где вы были раньше?
Не каждый так влюбляется в полёт,
И я не каждая, кто мило вдруг согласен...

Нечаянно кислоту я пролила...

Мешочек смеха из амбиций
Ты сотворил и убежал
В места,
Где бьют немое тельце книжек
Об край пурпурных одеял.

Своей склонностью диванной
Ты убивал в моих глазах
Масштаб
Прекрасных линий знаков
Тех, что не топчут в башмаках.

И город скучно утомлялся
Ото лжи твоей, новинок дня
Рассказов,
В которых не было страстей,
А только взгляд тупой быка.

Теперь все свечи догорают
До высоты миллиметровой
В канделябрах,
И сами в силах в них погаснуть,
Пока кружусь я в звуках танго.

В твоё отсутствие – годами,
Свою раскрасила я жизнь
Цветами,
Где ложатся слоями краски
Покорной ласки в миражах.

На твой мешочек смеха из амбиций
Нечаянно кислоту я пролила...

Уже и день темнеет раньше...

Опять сквозняк в душе вращает
От стрел амурных шелуху,
И память медленно вскипает,
Что ломит шею поутру.

Мы не умели быть чужими —
Далёкими сумели стать,
Попытка воплотить былое —
Лишь научила нас прощать.

И чьи теперь целуешь руки,
Чей взор ласкает твою стать,
С кем коротаешь ты минутки,
Кого ты хочешь обнимать?

Уже и день темнеет раньше,
Оранжем свет луны в снегу,
И реже сны уже о счастье,
Всё чаще грусть поёт в пургу...

Просто спишь...

Ты слышал,
Как шепчутся во времени снежинки,
Когда все спят;
А властвующую тишину
В ночи с луной,
Которая так хочет всем казаться тёплой,
На самом деле просто светит;
Ты видел, как дыхание
Рисует мысли на ветру,
Привыкшие засиживаться дома,
Теперь шалят фигурами узорными
В виде сердечек?
Боюсь, не слышал и не знаешь,
Просто спишь...

Прокараулишь ты волнующие дали,
Что кистью тянутся к тебе с мечтами,
Разбудить всё то,
Что может быть ещё живым,
Под одеялом —
И тихо плачешь, всегда без слёз,
Подушка нервничает даже...
А за твоими стенами,
Где завариваешь чай,

Со вкусом бергамота и с лимоном,
Топчешь с чашкой плоскость пола,
Шурша резиновой подошвой переплётов
Тапочек домашних —
Ничего не происходит,
Витает одиночество, стучась по стенам громко...

А за окном твоим,
Тобою незаметным полем,
Искрятся медленно пушинки,
И пару глаз томятся тоже,
С укором,
Что ты, как валенок, но в тапках,
Не замечаешь след прохожей девы,
Которая к тебе, чтоб ты не спал,
Шлёт вечер с каплями замёрзшими,
В комнаты твои,
Чтобы растаять их под грустным одеялом,
Где ты уже случайно не заснёшь...

Покинь мою обитель...

Покинь мою обитель, коли тесно, где мир был до тебя мой жутко пресным, пока с деки не вырвалась струна, и ты без нот сыграл воскресным утром песню, в которой я была твоя... Я не напрашивалась в гости, к твоей душе на чашку кофе и не просилась на колени, чтоб ты сонливо гладил кожу моей спины – упрямо гордой – кончиками пальцев руки холодной... Я не пыталась владеть тобой до точки боли той, где прежде реки крови бурлят неистово, и веки после не в силах открыть весь свет, что меркнет быстро из-за разлук, предсказуемых и скверных... Я не хотела пыльных мыслей, от которых вздуваются невольно вены на висках, и отвечать на разные вопросы, те, где не было ответа, а если были, то напрасно долго ждать от них всех истин...

Но как бы ни хотела я, воспоминания все будут, и каждым блёклым утром я буду думать о тебе, не улыбаясь, ведь я хотела быть твоим отрезком жизни, и пусть твой мир был так же, как и мой, до жути пресным...

Которым можно не черкать...

Писать тебе равняется —
Черкать гвоздями стены
На площадях
Центральных зданий светлых,
На улицах оголтелых;
На мостовых,
Веками исцарапанных,
Прохожей обувью,
Чей облик так стремительно меняется
В прогрессе, с новой модой,
На тротуарах, с плитами узорными;
На расклеенных афишах,
Кричащими в ней буквами о примах;
В листовках, что парят по ветру;
И на запястьях рук
Чернильной ручкой с красной пастой,
Где часто крестики рисуют,
Чтоб не забыть о том, что сделать надо;
Пускать слова в щитах рекламных,
Где светятся неоном строки,
Что слепят часто всем глаза
В занудной форме.
Писать тебе – равняется нулю,
И грех на это время тратить,

Слепому не увидеть за версту
Того, что только любящим под стать,
Которым можно – не черкать...

Не доверяйся своей чести...

Не изгаляйся предо мной
Усмешкой дикой и постылой,
Во мне не сыщешь ты лихой
Неудержимости хвастливой.
Не навестит покой в сезонах
Твой нрав – бушующий порыв,
И наглость вечного шансона
Не успокоит мыслей взрыв.

Не доверяйся своей чести,
Покуда ты играешь роль
Не благородного, из мести,
Забросив кирпичом, контроль.
Не приголубит тебя правда
Вся та, что ты так избегаешь,
И не утешит раж – бравада,
Пока ножи в меня меташь.

Я не сломаюсь в волнах звука
Твоих амперных восклицаний,
В многозначительности взгляда
Я распознаю сто признаний.
Не покорюсь твоим напастям,
А слабость волей не замечу,

Не поддавайся сожаленьям —
Я теплотой тебе отвечу.

А твой каратель ломает сучья...

Кто породил в тебе всё то,
Что из тебя теперь так часто льётся,
Цветом смолы, лава безобразной боли,
Съедающая всю твою погрешность из грехов,
Которой ты боишься из-за странностей.
Но изредка, в садах без света,
Молишься,
Сложив все тексты,
Что написаны тобой,
В периоды беспечности, свободы,
В брульонах горестных,
Забрызганных кровавою слюной
От кашля мокрого,
Что давит тебе шею кручёной нитью,
Чью массу их развешал, играючи,
По всем деревьям гиблым
На случаи твоих же неудач,
Твой собственный палач...

Кто из тебя всё это вытащит,
Если осмелишься отдаться на рассвете,
В испачканных тонах от красок скорбных,
И воздухом, отравленным
Дыханьем аспидным,

Уже в кристаллах, замороженным,
И, если твои руки будут скрещены
Для того, чтоб видеть,
Что нет в них ничего,
Одни лишь только шрамы от порезов,
Осадком что легли на кожу,
Ещё, на редкость, молодой.

Не страшно мне тонуть в двух ямах,
Где синевой ещё блесна ласкает,
Что ловит свет с моих глазниц,
В которых реки все берега не сушат,
И те, что яркостью горящих факелов,
Собою для тебя окрашивают путь
Цветами радуги...
А твой каратель ломает сучья,
Из них готовит тын
Для невозврата...

Дни умирают иногда...

Дни умирают иногда, покоясь
За хрупким временным барьером,
И верховодить начинают
В рьяных танцах, скрывая всё,
Что выпало на долю им примером,
Где вереницей гибнут звуки
И тянутся чужие руки в сраме,
Чтоб превозмочь нелепые ошибки,
Чья глиняная масса их структуры
Вылепила маски в чёрной гамме,
С подобием оскала на лице
Из города теней, где высится одна
До неба Башня Тёмная во мгле...
А ночи никогда не умирают,
Питаясь днями мёртвыми слепыми,
И жаждою вампирской заражают
Все чувства, что однажды были живы;
Теперь они пропахли белым пеплом,
И разлетаются, как перья птиц
Без надобности быть уже в дальнейшем
Терпким ароматом жасминовой любви...

Устала память бить тревоги...

Устала улица не светлая моя
От шума голосов нетрезвых,
И дом устал в уборах бытия,
Тоска живёт в углах облезлых.
И тени тащатся прилежно
Шагов шуршащих об асфальт,
И сердце хнычет безнадёжно,
Как будто сняли с него скальп.

Устала память бить тревоги,
Набатов лишь кричит печаль,
Сбежали от сомнений боги,
Поставив крест любви, печать.
И только ворон на рассвете
Качает провод на столбе,
Один мне каркает в привете,
Хоть я шагаю и в толпе...

«Кружил подол мой...»

Кружил подол мой
Юбки – с кружевами,
И рукава воздушной блузы
Развевались,
А каблучки блестящих туфель
С жемчугами
Мелькали быстро в танце
И, едва ли,
Вы специально
По бёдрам ласково руками
Моим водили осторожно,
Как будто что-то потеряли...
Вчера ещё вы так грустили,
Во рту дымилась сигарета,
А в рукаве измятой куртки
Небрежно пряталась бутылка,
Что так вам в жизни помогала
Забывать все горести, а запах ваш
Так яростно впитался
В местный воздух,
Что я невольно ускользала
Куда-то в область
Близ светящихся кварталов,
Пусть даже там меня не ждали...

Сегодня на танцполе вы, как франт,
Надели лучший свой пиджак,
И брюки стрелками торчат,
И так заметен ваш запал,
Что девки все свои глаза сломали,
Смотря, как сделали вы шаг
Ко мне красиво,
И ботинки вы натёрли, что блестят
Намного лучше, чем софиты...
А в танце оказались королём,
Меня вы с юбкой закружили,
Что я сдалась тем вечером у клуба,
Под единственным столбом,
Где вечность лампа не светилась,
И вы меня там в щёчки целовали,
И руки грели вы свои,
Держа на талии моей,
По бёдрам больше не водили
И воздух вы не портили собой!
Вы влюбились!
И я... немного замуж собралась!
Дай бог! И лишь бы дети были!

«Не ты тревогой моей был...»

Не ты тревогой моей был,
А километры млечных линий,
Тянущихся с границ забвения
До края скомканных страниц,
Где нет поныне исчисления
И воздуха как будто нет.
Здесь для меня всегда стабильно,
Пороги то открыты, то закрыты,
Неважно, какой коврик у дверей,
И чем в порогах двери здесь оббиты,
С табличками пустыми или без.
И не волнуют шарфики прохожих,
Смесь ароматов из духов букет,
И сумок, бьющихся в колени,
В тесных маршрутках, есть билет,
Где лица плющатся о верх,
И минуса всех глаз не светятся порою,
Лишь потому, что тесно в мире всем:
Как в склепе всё благоухает.
Но только не для нас все километры!
Нам много места, только мы не там,
Где струны альфа собираются в мгновенья,
Которые могли бы вечностями стать
Во времени – застывшим отражением,

Лишь в этом все тревоги...
Мы в точке этой,
Как стабильность поражений,
Где мир – фольга,
И от него, как от проказы,
Со скоростью ветров
Бежит весь яркий свет...

Греши моя печаль...

Греши моя печаль под звуки а капеллы,
Как и твоя печаль беззвучно в грехах пала,
Пари моя душа под дуду абрикосовую —
Твоя дрожит под скрипами металла,
Ветрите мысли с парусами каравеллы,
Твои кружат в десятках смерчей вальсом,
Стучите ноги в такт безумным танцам вуду,
Как пальцы рук твоих колотят ритмы сальсы.

Раз грешен ты собой, то грешной буду я —
Святой водой окраин сердца не омыть,
И подсознательно в крови один наркотик,
Губительный для тех, кто редко спит,
И ловко гнётся, как умелый пантомим,
Слепая страсть раскрепощённым жестом,
И чувства греет внутренний гольфстрим,
В чьих водах лапу моет грех блаженством...

Не стану

Не стану грызть ногтей в волнующих моментах и воду лить с углов в разрезе томных глаз, просоленной донельзя, что щиплет мерзко так, как будто в первый раз текла по всем разёмам кожи, возникших от борьбы не на мечах, а от волны холодных твоих фраз, и так сжигает на пути своим потоком всю прелесть нежности лица, где мимика, как вольная царица, румянится не радостью пригожей, а кривится собою и, гордясь, что сил хватает корчить болью рожи, ни капельки проезжих, не стыдась.

Негоже покоряться Королю, кто пламя извергает домом ада, где стены красками заката тлеют, и прахом обращаются мечты, и нет надежд малейших для спасения.

Не стану я долбиться в эти стены, вымаливать билеты до ворот у тех, кто продолжает нервно биться, грызть ногти, солью лить с углов...

Я не хозяйка рун...

Я не хозяйка рун, придуманных не мною, но вижу я во всех прозрачных стенах, никем не созданных, твои хождения, где радость и беда, где ты совсем не волюю божьей, живёшь не так, как хочется тебе. Танцуешь, греясь в дьявольском огне, или поёшь в бетонном доме, как-будто роль играешь демона на сцене, а на спине твоей неровные порезы попыток избавления парения, теперь совсем не нужных тонких откровений. Твоё лицо хлебнуло едкого желтка, и в нём борозды рек морщин, и часто волчий взгляд из-под лба, визит улыбки чай не пьёт в твоих устах, и искорки в зрачках твоих не гости... Так хочется, чтоб пел ты для меня, но вовсе не с уставшею походкой. Прости, не я измучила тебя. Я та, кто в той стене – прохожий, потерянные склеиваю перья...

«В твоей хандре я задыхаюсь...»

В твоей хандре я задыхаюсь,
трещат все клетки, как в тисках,
и сиротливо в ней слоняюсь,
в обломках битого стекла:
недавно радужно сверкали
в игривых красках хрусталя.

В твоих печалях я теряюсь —
они собрались алой тучей,
подобно вате сбитой, с кровью,
приставшей всей своею кучей
к сюжетам форменного сердца,
что с болью открываются глаза.

В твоих синдромах безразличья,
я полубоком проползаю,
и внутривенно умираю
со всеми бабочками залпом,
и лентой – полосой нетленной —
брошаю следом в жилах крылья,

чтоб не исчез ты во Вселенной
пыльцою глупую и брентной...

«За тишиной всегда слова...»

За тишиной всегда слова
не те, что хочется услышать,
а те, что выдохнуть нельзя
свободно, трепетно, без гриппа.
Как громко ты молчишь...

Не вереницей тянутся года —
летят путём бежавшей птицы
от снега мокрого в края,
где кажутся светлее им темницы.
Как тихо ты кричишь...

Не высохнут любые небеса,
которые залиты слёзно
из ям на них смотрящих два ядра
уже не ярких глаз позорно.
Как ты фальшиво спишь...

А я так мило, беспредельно
топчу следы других прохожих,
ломаю мысли неумело
неосторожностью негожей.
Как глупо мною ты любим...

А комнаты играют в жмурки...

Я как накидка, сброшенная с плеч —
Твоя в шкафу заброшенная вещь,
Но только я обновка и без пятен,
Непостижимая для встреч...

Уже присыпал камни снег,
А ты всё делаешь пробег,
Собой тараня кончики ветвей,
Не находя в пути ночлег:
Не манят при камине свечи
И коврик мягкий у него,
Где мы могли бы бросить тени,
Что опьянело бы вино...

А комнаты играют в жмурки,
Углы поют в ней волчьи песни,
Остались на полу окурки,
От них следы пустых наречий...

«Глотки кофейного напитка...»

Глотки кофейного напитка
Немного согревают тело,
С лица, как скользкая улитка,
Сползает то, что наболело.
Порядок мыслей хаотичен,
В глазах растаял вечер беглый,
Под алебастровой накидкой
Давно укрылся след несмелый.

И гаснет свет торшеров старых,
Причинно исчезают звуки,
И только в трубах пляшут ветры,
Играя в игры – перестуки.
И возвращается с темницы
Печаль безногая к душе —
Так без небес тоскуют птицы.
Я без тебя, как ночь во тьме...

«Ты тень камней бульварных серых...»

Ты тень камней бульварных серых,
следов, размытых от дождей,
и на другом периметре планеты,
где нет цветущих сакуры ветвей.

Исполосована была лазурью
насквозь я светом твоих глаз.
Не знал, что болью затоскую,
смотрясь в кривые зеркала.

А ты испуганный и вольный,
под небом плачущим всегда,
теперь блуждаешь одиноко
и топчешь город, не спеша.

А я в кварталах пустотелых
пою твоим лазурным светом,
а ты, как дым бульваров серых —
он никогда не бросит тень...

С тобой танцуют все мои мечты...

Разбились грёзы
правдой и неправдой
рычащим зверем,
раненным в охоте
сквозной любви.
Затронутые струны
не звучали...

Укрылись слёзы
в осени с ветрами
в обычной луже
в рытвинах асфальта
водой ненужной.
Целованные губы
замолчали...

Почернели стены
с обоями в пыли
в холодной комнате
в уютных креслах
и в чехлах потёртых.
Любимые страницы
разорвались...

Безумные восходы
в мыслях зрелых
в крови не гордой,
танцуют правилами —
па свободны.
С тобой танцуют
все мои мечты...

Разбросаны письма...

Прищуренный кот, подоконник прижавший,
собой заслонил вид свободы дождливой,
за стенкой звучит пианист-итальянец,
своей мелодичностью, кровь усыпивший.

Разбросаны письма небрежно на тумбе —
бесцветные марки с желтеющим прошлым-
с корявым смешным одинаковым почерком,
кавычек, спешащих в ботинках намокших...

И ты весь, транжира – заядлый, залётный,
летел вслед тем письмам любим самолётом,
на встречу со мной в опустевшие парки
фигурных скамеек, с листвою опавшей...

Теперь только письма с желтеющим прошлым,
Прищуренный кот в плаксивую осень...

Желтеешь в объятиях мгновения...

Врываешься иногда
ты в мысли мои
аккордами безудержными...
Наверное, так боги
ходы придумали
в играх, считая их
могучими...

Дни падают грузом
лавиной туманов,
невидимой с неба тучи...
И кровь со всем вкусом
потокотом смакует
гремучую смесь
чувственности...

В груди, как при гриппе,
сплошной хрипотой
бурлит наваждение...
И ты, как отрывок,
оборванный из жизни,
желтеешь в объятиях
мгновения...

Что искала, то нашла...

Что искала, то нашла... Время до разлуки,
Я гляделась в зеркала глаз твоих, от скуки...
И читала по устам все твои желания,
Как по древним письменам, изрекая знания.

Потерялась я в твоих мыслях неуёмных,
Захотелось стать твоей единицей скромной.
В многочисленности слов не искала главных,
Умирала я с тобой и рождалась заново...

Ты привычкой стал моей самой непонятной:
То, как лёд в моей душе, то в крови, как сахар.
Что искала, то нашла... Время до разлуки —
Потемнели зеркала, и пропали звуки...

Мрамор...

Громоздкий замок, лестница с одышкой...
В верхах, на мраморном
ты в одиноком троне восседаешь,
и камня холод, красотой блистая,
не благодарит тебя за мудрость и за гордость —
он же камень!

И ты безмолвный артефакт-
музеям радость или скука,
не согреваешь никого в руках
тех рук, которые к тебе могли бы
притянуться...

Не ведаешь, как льды плывут
на солнце, парясь безысходно,
не мыслишь ни о чём, как друг-
ты перст неважный и безродный.
Ты никто!

Лишь потому, что ты холодный,
как мрамор тусклый и бесплодный!

И – «не как»,
а – ОН!

С тобою рядом мёрзнут руки!

«Потрескались уста...»

Потрескались уста
от ста
минувших суток
без тёплых
и так нужных
поцелуев,
и взгляд аморфный
пронзает воздух
ресницами, касаясь неба.

Нет линий
прорисованных
на коже,
которые рождались
от улыбок
и дивных ямочек
на щёчках,
зардевшихся
от встреч счастливых.

И осень в этом веке
расхныкалась
на славу
из-за большой потери

тебя в громадном мегаполисе,
в порталах,
где ты скрываешь
все свои надежды
и, уповая на все случаи удачи.

И где-то в глубине
пустых кварталов
умело покидаешь след
дождями города,
как будто я искать
начну сначала
прошлое,
но я уже не стану
топтать не мой побег...

Мне холодно...

«У пропасти моей...»

У пропасти моей
всего один лишь берег,
надрывные ветра,
безжизненный коллаж,
где птицы чувствуют
портал слепых затмений,
без шансов выжить,
делая вираж.

Там в венах не бурлят
кровавые потоки,
глазницы пепелят
измученной тоской:
чтобы к тебе попасть,
пронзая горизонты,
я вынуждена падать
в ту бездну вечных снов.

Но я парить не стану
над чёрною дырою,
останусь ждать века,
как старец-пилигрим.
Если исчезну бликом
с чернеющей платформы,

уже никто не сможет,
как я тебя любить!

И небеса прохладные...

Гонимые ветрами
розетки одуванчиков,
в сознании рождают
волшебные стежки,
своим путём бессовестно
все тропы открывают
в ту сторону заветную,
где плачет херувим.

И небеса прохладные,
с подушками из сферы,
манят собой, наглея,
с тактичностью в ладах.
Вершин уже не видно —
всё под тобой темнеет
в той стороне запретной,
где херувим не спал...

С тобой так мало было прожито веков...

Я так давно на дне,
придавлена водой со вкусом соли,
разбавленной дождями иногда,
а иногда, простуженной ветрами,
с гнётом боли, так глубоко засевшей
под тонкой гладкой кожей,
так, что светятся все линии рождения,
опухшие невольно от тоски...

Я так давно на дне,
не хочется всплывать, и сил тех нет,
с которыми когда-то я летала
без крыльев, сверкающими перьями
без прошлого, теперь оно уж есть —
в ногах расположилось лежебоко,
что ржавчиной покрылись все мгновенья...
С тобой так мало было прожито веков...

Безудержная страсть...

Безудержная страсть суставы разъедает,
Подобно серной кислоте.
Беспомощная стать колени преклоняет —
Не быть распятым на кресте...

Грехи опасно заметались,
На воле крылья распустив,
И в серых красках размешались —
И страх, и боль, и аппетит.
Нельзя бросаться взглядом жгучим,
В повязке взор огней, и ночь,
И не от ветра сыпь по коже —
По ней гуляет стадно дрожь.
Синеют руки от неволи,
Железом скованы запястья,
Уста молчат, в них много крови
От поцелуев, что пленят.
И своенравная Рабыня
Готова пасть к его ногам
Из-за любви,
Пусть и постылой...
Там Господин,
В чьих недрах – страсть!

«Не отдыхает небо никогда...»

Не отдыхает небо никогда
И время никогда не спит.
Видна луна из окон лишь тогда,
Когда в душе, как на качелях,
Печаль качается, кружит,
И невозможно подсчитать
Количество секунд ушедших
В предчувствии разлук,
Когда в душе есть параллели
Двух судеб, созданных для мук.
Ползут в ногах скупые тени
Всё той же массой однородной,
В объятиях шальные ветры,
Когда в душе сопит умело
Итог всех сквозняков в прихожей...

«Я просто знала, что тебя не будет...»

Я просто знала, что тебя не будет,
И слёзный ком, застывший в горле,
Исполнил все пустые промежутки
Дней скучных, прожитых не вместе...

И имя мне твоё шептала память,
Дрожали веки, и хрипела эйфория,
Боль никогда моя не притуплялась,
Лишь учащалась быстро аритмия...

Я не ждала и нежность не дарила,
Не покушалась вольностью своей,
Пока твоё безмолвие царило,
Пока я привыкала быть ничьей...

Я просто знала, что тебя не будет,
Но разум с сердцем – в ругани родня,
Ты уходил, а я с любовью отпускала,
Осталась мизерная искорка огня,

которая когда-то разгорится,
но, может быть, уже не для тебя!

Вернулись в наши канители...

Я в осени не видела тебя, а ты явился, и снег немного отложился на две недели так вперёд. Не холодно. Но мне немножечко морозно... Ты просто смотришь на меня, а я в мурашках, пусть даже и в пальто. И это хорошо, не видно их. И загораются глаза, не знаю больше чьи...

Забылись давние обиды, и только нервы вскипятились, весь пар наш скрыл туман, скользящий мимо, он оказался милым...

И не успели мы коснуться рук своих, как тут же улетели, не закрывая глаз...

Вернулись в наши канители...

И в следующую осень так хочу...

Сонлюбовь...

Плывут галактики – Вселенной корабли,
И в молоке свои бока купают,
Там звёзды крохотные делают шаги,
И никогда с небес в лучах не исчезают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.